УДК 81'42

DOI 10.17516/2311-3499-012

МЕДИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СВЕТЕ ЭТИКО-РЕЧЕВОЙ НОРМЫ: ВЛИЯНИЕ НА КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова

Демократизация и свобода в речевом поведении не только расширили возможности способов языкового выражения, проявлений языковой индивидуальности, но и повлекли за собой многие негативные явления. Причем это характерно не только для маргинального общения или для специфической речи тинэйджеров, но отчасти и для политического дискурса, в значительной степени – для медиа, оказывающих огромное влияние на речевое поведение общества в целом. В последние десятилетия актуализировалось понятие этико-речевой нормы, активно разрабатываемое в рамках не только экологической лингвистики, но и такого нового синкретичного направления, как юридическая лингвистика. Этико-лингвистические нормы подвижны и динамичны. Соответствие или несоответствие этико-речевой норме редко заключено в отдельной лексеме (фактически – только в предельных случаях инвектив и obscenism); оно формируется с учетом многих «материй», относящихся в том числе к области этики, психологии, культурологии и отчасти социологии. В контексте этико-речевой нормы важно не только собственно лингвистическое понимание, поскольку использование слов неотделимо от категорий этики. В современной коммуникации немало «болевых» точек: некорректная реклама, немотивированное использование англицизмов в качестве эргонимов и урбанонимов, манипулятивные стратегии и тактики в политическом дискурсе. Однако есть и противоположная – «встречная» – тенденция к «смягчению» речевых оборотов. Эти новые явления обусловлены совокупностью всех обстоятельств социально-политической и культурной жизни, без учета и тщательного изучения которых невозможно дать никаких рекомендаций в сфере нормативности вообще и этико-лингвистических норм в частности.

Ключевые слова и фразы: экология языка; юридическая лингвистика; лингвоэкологическое право; медийная коммуникация; этико-речевая норма.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 17-04-00109

THE MEDIA SPACE IN THE LIGHT OF ETHICAL AND SPEECH NORMS: INFLUENCE ON COMMUNICATIVE BEHAVIOR

L.A. Brusenskaya, E.G. Kulikova

Democratization and freedom of speech have not only broadened the possibilities of language expression, manifestations of linguistic individuality, but also have led to many negative phenomena. And this is typical not only for marginal communication or for the specific speech of teenagers, but also partly for political discourse, especially for the media, which have a huge impact on the speech behavior of society as a whole. In recent decades, there have been actively developed the concept of ethico-linguistic norm not only in the framework of ecological linguistics, but also in this new syncretic area as legal linguistics. Ethical and linguistic norms are mobile and dynamic. Compliance or non compliance to the ethic-speech norm is rarely concluded in a separate lexeme (in fact – only in extreme cases of invective and obscenism). In the context of ethical and speech norms, it is important to investigate language units from categories of ethics. There are a lot of "pressure points" in modern communications: incorrect

advertising, unmotivated borrowings, manipulative strategies and tactics in political discourse. However, there is also the opposite – "counter" – the tendency to "soften" speech.

Keywords and phrases: language ecology; legal linguistics; linguoecological law; media communication; ethic-speech norm.

1. Введение

Демократизация и свобода в речевом поведении не только расширили возможности способов языкового выражения, проявлений языковой индивидуальности, но и повлекли за собой многие негативные явления, главное из которых – пренебрежительное отношение к нормам литературного языка. Причем это характерно не только для маргинального общения или для специфической речи тинэйджеров, но отчасти и для политического дискурса, в значительной степени – для медиа, оказывающих огромное влияние на речевое поведение общества в целом. Современную языковую ситуацию нередко оценивают как кризисную, причем в этом кризисе видят опасные изменения русской языковой картины мира.

Справедливы утверждения о том, что современные процессы проявляются в деформации стилистической системы литературного языка, в снижении эстетических возможностей языка литературных текстов. Общеизвестным стал тот факт, что нормативная речь представляет собой системный объект со сложной организацией, а значит – критерием правильности оказывается вовсе не единственный идеальный «образец». Нарушение норм нередко оценивается как фактор креативности речи. Характерно, что «... просторечная лексика приобретает престижный характер» [Гнусина 2006: 4], а более половины словника первого и пока единственного в своем роде «Словаря модных слов» Вл. Новикова (2005) составили слова, которые нельзя отнести к строгой литературной норме.

Русская речь стремительно утрачивает синонимическое богатство; ср. почти общераспространенное обозначение самых разных эмоциональных состояний с помощью выражения *быть в шоке*. Типичным стало даже намеренное нарушение орфографии, которая совсем недавно казалась чем-то незыблемым.

В последние десятилетия актуализировалось понятие этико-речевой нормы, активно разрабатываемое в рамках не только экологической лингвистики, но и такого нового синкретичного направления, как юридическая лингвистика. Именно понятие этико-речевой (или этико-лингвистической) нормы лежит в основе лингвоюридической экспертизы и лингвоконфликтологии. Многонациональность российского государства, проявления межнациональной и межконфессиональной вражды, нарушение прав человека, проявление ксенофобии – все это говорит о необходимости культивирования в российском обществе толерантности, коммуникативной корректности и языкового такта.

В связи со сказанным интересен лингвистический комментарий к слову *норма* Вл. Новикова («Роман с языком»), который обратил внимание на то, что латинский корень здесь из разряда «ложных друзей переводчика»: на Западе *норма* значит нечто обычное, стандартное, среднее (недаром изучающие наш язык западноевропейцы часто говорят по ошибке: *я нормально не хожу в церковь, я нормально не пью крепких напитков*, то есть *нормально* вместо *обычно*). У нас же *норма* – это либо заведомо недостижимая (и притом нередко бессмысленная) цель типа *Норма – трезвость жизни*, либо завидная редкость, удача. Не случайно в молодежном жаргоне словечко *нормальный* означало в шестидесятые годы 'отличный, превосходный'. Если в западном менталитете *норма* – это житейская горизонталь, средняя линия, на фоне которой слегка выделяются вертикально приподнятые люди и судьбы (богачи, правители, знаменитости) и вертикально приопущенные (безработные, преступники, иммигранты). В нашем же западно-восточном (евразийском etc.) изводе *норма* – это высшая часть вертикали.

Г.Г. Хазагеров различает «ближнюю прагматику», то есть сиюминутные коммуникативные интересы отправителя речи, автора конкретного высказывания, и «дальнюю прагматику», под

которой понимается окультуривание коммуникативного пространства в целом (см.: [Хазагеров 2000: 32–36]). Различие ближней и дальней прагматики ярко проявляется в рекламном дискурсе. Отдельные рекламные идеи, опирающиеся на сленг, в том числе и криминальный, могут быть восприняты определенной аудиторией как удачные («прикольные»), могут успешно выполнять главную функцию коммерческой рекламы – способствовать увеличению продаж, но вряд ли они способствуют повышению культурного и риторического уровня общества. Ср.:

Мы обуем всю страну (слоган обувной компании);

Пора брать кассу! (реклама кассовых аппаратов);

У нас не заржавеет! (реклама антикоррозийных покрытий) и под. Примеры рекламы из работы: [Гаран 2009].

Поскольку социальные группы внутри языкового коллектива находятся в процессе постоянного взаимодействия и взаимовлияния, нормативные изменения, зародившиеся в одной из них, могут затронуть весь языковой коллектив, если расширяются социальные границы функционирования языкового явления. Норма, таким образом, находится в постоянном развитии и варьируется в конкретных условиях коммуникации.

Все более актуален особый тип нормы, сопряженный с понятием этики общения, – этико-речевые нормы. Как известно, целью этики является организация гармоничного, плодотворного сотрудничества, этим объясняется важное место этических предписаний в жизни людей. Этические нормы включают такие понятия, как доброжелательность, милосердие, честность, бескорыстие, забота о ближнем, уважение к людям и т.п. В процессе коммуникации эти свойства проявляются как вежливость, толерантность/терпимость, тактичность, чуткость, корректность, деликатность, обходительность, скромность, искренность. Они исключают грубое, агрессивное поведение, которое делает неэффективным процесс общения, приводит к межличностным конфликтам и оказывает негативное влияние на эмоционально-психологическое состояние коммуникантов.

2. Материалы и методы

Методологической основой исследования являются философские законы диалектического единства формы и содержания, всеобщей детерминированности явлений, перехода количественных изменений в качественные. Анализ актуальной проблематики имеет междисциплинарный характер и требует привлечения общенаучных подходов – аналитического метода и историко-культурного анализа, сочетания индуктивного и гипотетико-дедуктивного методов. Основу предлагаемого исследования составляет функционально-динамический подход к объекту – текстам СМИ. Для контекстуальной интерпретации языковых особенностей современных медиа применялись также социолингвистический анализ, основанный на методе корреляции социальных и языковых явлений, и прагмалингвистический анализ с учетом широкого «контекста ситуации». Применялись также элементы диахронического анализа и исторической ретроспекции. Исследуемая проблемная область с ее спецификой обусловила использование герменевтического подхода с характерной для него подчеркнутой установкой на истолкование, поскольку исследование имеет интерпретационный смысл. Большое значение имеет также методологический принцип «неединственности» трактовки, поскольку один и тот же языковой феномен может быть (с достаточным обоснованием) интерпретирован по-разному.

3. Результаты

В контексте этико-речевой нормы важно не только собственно лингвистическое понимание, поскольку использование слов неотделимо от категорий этики. А.П. Сковородников упоминает даже о такой дисциплине, как лингвоэтика [Сковородников 2013]. Конечно, многие этико-лингвистические нормы соблюдаются людьми интуитивно, без специального изучения этих норм. Невозможно обратиться с приветствием *добрый день*, *доброе утро* к человеку, у которого в этот день случилось несчастье.

А.П. Романенко высказывает мысль о том, что СМИ «неустанно культивируют праздничное, приподнятое настроение», наиболее популярны слова, «имеющие развлекательно-дурашливую семантику» [Романенко 2007: 515]. Традиционное преподавание русского языка на всех уровнях за долгие годы привело к тому, что носители русского языка полностью утратили представление о том, каким должен быть русский речевой идеал. Этико-речевые нормы тоже подвижны и динамичны.

Традиционно считалось, что нормативное более статусно. В современных коммуникативных условиях уместно уточнение: верно и обратное, то есть более статусно – более нормативно. Человеку с достаточно высоким статусом простят языковые вольности, непростительные для других, сочтут вполне приемлемыми, даже удачными, выразительными, и, как пишет О.М. Холомеев [Холомеев 2014], на примере творчества ведущих писателей, известных еще в советское время, заметно, насколько снизился в постперестроечный период порог дозволенности в использовании инвективы. Некоторые известные писатели в последнее время в своих текстах запросто вводят непечатное прежде, не применяя при этом ни отточий, ни других способов эвфемизации.

Сегодня как никогда актуален вопрос об особой разновидности прав человека – лингвистическом праве. Этот вид прав человека может и должен стать составляющей закрепленных международными стандартами и свидетельствами прав человека. Это право включает несколько составляющих, в которые входит также право на лингвистическую экологию: согласно этому праву человек не должен находиться в языковой среде, чуждой ему, которая способна привести к тому, что он потерпит коммуникативный ущерб. К нарушению лингвистического права могут относиться унижение и стресс, которые обычно человек испытывает от обценной лексики. Таким образом, если общество обязано защитить его «лингвистическое право», то в «обязанности» юриспруденции входит защита его «лингвоэкологического права».

Юриспруденция должна защищать «лингвоэкологическое право» человека. Право на лингвистическую экологию пересекается и тесным образом связано с правом человека на защиту собственной чести и достоинства. Судебные иски об оскорблении чести и достоинства, их частота определяют тесное профессиональное взаимодействие филологов и юристов.

Трудности, связанные с юридической регламентацией инвективной лексики, вызваны тем, что многие носители языка считают инвективную функцию естественной функцией, даже – полезной (имеется в виду, что инвектива не только демонстрирует агрессивность общества, но может также способствовать снижению агрессии, выведению агрессии из области дела в область слова). Прагматические созначения слов, прагматика слова является более динамичной, нежели сама семантика. Проблема, связанная с оскорбительным звучанием слова, в настоящее время становится все более актуальной в юридическом континууме, однако российские юристы, по замечанию В.И. Жельвиса, все еще располагают незначительными средствами, способными помочь четкому определению правовых границ данного явления: что является безусловно оскорбительным, а что ограничивают определенные условия времени и места и др. [Жельвис 2004: 9]. Даже относительно бесспорных обценизмов эта проблема не решена.

В контексте лингвистической экологии и этико-речевых норм в высшей степени важна педагогическая проекция этой проблемы. В этом отношении показательна работа И.А. Стернина, где предлагаются в полном смысле «рецепты спасения» [Стернин 2011]. Автор считает необходимым следующее: 1) развивать речь детей; 2) разъяснять, что сквернословие недопустимо не вообще, а только в общественном месте; 3) придумать «свои ругательства»; 4) надо не запрещать, а разрешать и ограничивать.

Педагогическую борьбу со сквернословием всегда «подтачивали» примеры использования обценизмов в текстах авторитетных авторов.

Действенный характер (и даже эстетическая роль) таких слов не ставится под сомнение, однако необходимо соблюсти и формальные (совершенно правомерные!) запреты. И.А. Стернин проводит аналогию с античным театром. Смерть, убийство часто были предметом трагедий, но существовал запрет: убийство не должно было совершаться на сцене.

4. Дискуссия

Поскольку разные субъекты и социальные группы могут признавать в качестве норм различные алгоритмы, постольку в социуме и сосуществует множество равноправных, уживающихся (или борющихся) друг с другом вариантов.

Существует множество факторов, влияющих на подсознательный или вполне сознательный выбор говорящим того или иного социального варианта. Д. Хаймс выделяет серию таких факторов, условно обозначив их аббревиатурой SPEAKING, где S – setting (окружающая обстановка), P – participants (участники коммуникативного процесса), E – ends (цели и задачи), A – act sequence (последовательность действий), K – key (тон, манера разговора), I – instrumentalities (средства передачи речи), N – norms of interaction (нормы поведения) и G – genres (жанры) [Hymes 1974]. Все эти факторы влияют на выбор языковых форм любым говорящим, и подавляющее большинство грамотных носителей языка обладают определенной степенью контроля над своей речью.

Набор как лексических, так и грамматических средств любого языка ограничен, однако эти средства обладают огромным функциональным потенциалом, системно обусловленным, реализующимся и развивающимся в тексте. В современной коммуникации, основанной на представлениях о толерантности, эффективно используются как нормативные, так и девиативные формы, не противоречащие представлениям о гармоничном общении.

Несоответствие этико-речевой норме может быть как явным, прямым, даже грубым, так и неявным, когда неуместность (неэтичность) языковой единицы ощущается далеко не всеми коммуникантами. Так, Н.О. Светличная пишет о неуместности некоторых аббревиатур, которая связана с этическими представлениями. Неэтичны аббревиатура *ВОВ* (ветеран отечественной войны), аббревиатурные обозначения для наименований многих исторических событий (*ВФР* – Великая французская революция, *КБ* – Куликовская битва), в то время как аббревиатурные названия учреждений, организаций вполне соответствуют всем типам литературной нормы (по [Светличная 2009]).

Большие сомнения до недавнего времени вызывала аббревиатура РПЦ. Около трех десятилетий назад Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II так писал о появившемся сокращении РПЦ – Русская православная церковь: «Ни дух русского человека, ни правила церковного благочестия не позволяют производить такую подмену. Такая фамильярность в отношении к Церкви оборачивается серьезной духовной утратой. Наименование РПЦ превращается в пустой значок, не затрагивающий духовных струн человека. Надеюсь, что натужные сокращения типа РПЦ или бытовавших некогда “В. Великий” и даже “И.Христос” не будут встречаться в церковной речи» (Литературная газета. 05.06.1991). Аббревиатуры типа *ВОВ* или *РПЦ* в работе Н.О. Светличной названы «варварскими».

Однако, по нашим наблюдениям, аббревиатура *РПЦ* становится все более обычной, причем даже в речи самих деятелей церкви. Ср. в газете «Культура» (Культура. 2017. №1) интервью с В. Кипшидзе – заместителем председателя Синодального отдела по взаимоотношению Церкви с обществом и СМИ:

Культура: Какие тенденции в отношениях РПЦ с государством Вы можете отметить?

Культура: Какие культурные проекты поддерживает РПЦ?

Кипшидзе: И представители РПЦ об этом открыто и честно говорят.

Кипшидзе: На всем пространстве канонической ответственности РПЦ верующие люди с воодушевлением и любовью ожидают прибытия предстоятеля, чтобы разделить с ним радость общей молитвы.

Как видим, и корреспондент «Культуры», и деятель церкви легко используют эту аббревиатуру. В двух номинациях 'Российская православная церковь' и 'Русская православная церковь' эта аббревиатура включена в новейший «Словарь сокращений русского языка» Г.Н. Складневской, согласуется по женскому роду *РПЦ поздравила православных всего мира с Рождеством Христовым*, и никаких стилевых помет эта аббревиатура не имеет [Складневская 2006]. Очевидно, что почти за 30 лет к ней привыкли, она хорошо узнаваема и перестала выглядеть неэтичной или оскорбительной для верующих.

Что касается аббревиатур вообще, то их неуместность часто связана с затруднениями в расшифровке. Об этом писал еще Л.В. Щерба: «В тех случаях, когда расшифровка затруднена, а слово необщепотребительное, то сложносокращенные слова решительно вредны, так как непонятны», а «одним из высших мерил достоинства языка является его общепонятность» [Щерба 1957: 137].

Иногда интенции отправителя речи встречают препятствия в виде лексических или грамматических лакун. Ср. наблюдения о том, что в русском языке нет женских вариантов к словам *асс, авторитет, виртуоз, гений, универсал, лауреат, дипломат, гроссмейстер, мастер спорта, герой, анималист, документалист, режиссер, вождь, политик*. Г.В. Бортник пишет о том, что название ансамбля «Виртуозки Москвы» даже с самым звездным составом скорее бы рассмешило, отпугнуло, чем привлекло. В судебной практике наших дней известны случаи, когда депутаты – женщины обращались в суды с исковыми заявлениями, в которых расценивали адресованные им в газетных публикациях слова *депутатка, избранница* и под. как оскорбительные [Бортник 2001: 52–53].

Этико-речевые нормы нередко нарушаются при использовании сравнений. Ср. фрагмент предвыборного ролика: *Власть должна меняться, как носки, регулярно, как того требует Конституция* (Салтыков-Щедрин шоу. 11.09.2016).

Неудачным сравнение может стать из-за того, что при уравнивании объектов происходит дискредитация. Ср.: Молодой защитник выступал в суде по делу одного фермера, предъявившего иск железнодорожной компании за то, что принадлежащий ей поезд раздавил 24 свиньи. Стараясь произвести впечатление на присяжных размером причиненного ущерба, адвокат заявил: *24 свиньи, джентльмены, 24! В два раза больше, чем вас!*

Когда в 1989 году А. Кашпировский в одной из телепередач сказал *Я силен, как дьявол*, на него ополчилась церковь. Его лишили возможности проводить свои сеансы на телевидении. Не помогли ему и оправдания, что это только художественный прием для усиления впечатления (см. об этом: [Брусенская, Куликова, Беляева 2014]).

Известные этические ограничения накладываются на использование иронии. Как известно, иронический смысл представляет собой ситуативную импликацию – вывод, к которому реципиент приходит в ходе прагматической интерпретации прагматического высказывания в коммуникации. При интерпретации иронии неизбежна опора на данные ряда гуманитарных наук – эстетики, психологии, философии, логики, согласно которым это явление не языковой, а философской, мировоззренческой природы. В таком понимании ирония вовсе не обязательно имеет отношение к области комического: ирония, с обретением ею экзистенциального качества, может быть включена «в поле трагического», может стать позицией личности, принципиально дистанцирующейся от любого объекта, которым в пределе может стать вообще вся действительность.

Ирония, даже в самых тривиальных случаях, не является очевидной (и ее традиционное определение указывает на это: ирония есть «скрытая насмешка»). Именно поэтому ирония неприемлема в ритуализованных ситуациях, грубым нарушением норм этики является ирония по поводу физических недостатков человека. То есть ирония должна быть всецело пронизана этикой и моралью.

Замечено, что в судебных речах ирония практически не применяется там, где речь идет об убийстве, но очень часто используется, если обсуждаются такие преступления, как лжесвидетельство, подлог, подделка (об этом на примере речей А.Ф. Кони см.: [Баишева 2014]).

Нарушение этико-речевой нормы нередко связано с тем, что коммуникантами не учитываются прагматические созначения слова. Прагматику интересует, прежде всего, культурный компонент лексической семантики. Мнение о том, что в общем значении слова можно разграничить собственно семантическое (когнитивное) значение и значение прагматическое, стало широко известным, и даже в учебных пособиях и словарях, адресованных студентам, даются дефиниции прагматического значения. Прагматика в первую очередь связана с оценочным, коннотативным компонентом лексической семантики, существование у слова этих невербальных (не выраженных явно) смыслов (коннотаций) делает его «растяжимым для новых откровений мысли».

Вообще многие прагматические функции отличаются устойчивостью и подчиняют себе значительное количество лексических единиц. Изучение истории таких функций, сменяющихся через века или десятилетия, дает информацию о мировоззрении эпохи. Сегодня детально описаны многие прагмемы (слова с ярко выраженным прагматическим созначением) советской эпохи, которые до недавнего времени были в поле социального внимания, во всяком случае – официального (их деидеологизация, уход на периферию, развитие у них новых оценочных коннотаций и т.п.). «Оценочная революция» коснулась многих слов: на памяти одного-двух поколений дважды сменили прагматическое звучание слова типа *бизнес*, *карьера*, *нажива*, *барыш*.

Прагматические созначения более динамичны, чем собственно семантика. Так, в соответствии с ментальностью советского человека наименование *карьерист* – это оскорбление, в то время как современный молодой человек воспримет это слово скорее как похвалу. Слово *мент* в современном разговорном русском языке утратило свой оскорбительный оттенок и стало синонимом американского жаргонизма *коп* – полицейский. Ср.: *Мы – настоящие менты* (А. Константинов. Бандитский Петербург).

Динамика прагматического созначения слова и связанные с этим нарушения этико-речевых норм ярко проявляются на примере использования слов *успех*, *успешный*. Для нашего времени характерно культивирование личного успеха (ср. позиционирование телевизионного канала РБК – *канал успешных людей*). Есть мнение, что новые оттенки у слов *успех*, *успешный* – это явление привнесенное. Ср.: «Даже исконно русское слово “успешный” зазвучало с английским акцентом. Прежде оно сочеталось только с названиями дел, мероприятий: успешная акция, успешный матч. Теперь у нас по аналогии с английским “successful” появились успешные люди, прежде всего бизнесмены и шоумены» (Вл. Новиков. Роман с языком). См., например, «Учебный словарь лингвистических терминов» [Брусенская, Гаврилова, Малычева 2005]. Э.И. Хан-Пира считает инновации, связанные с расширением синтагматики слова *успешный*, результатом семантического калькирования [Хан-Пира 2001: 345]. По-английски вполне обычно сказать, например, *successful writer*, и само употребление слова *success* отличается от употребления русского эквивалента: например, говорят *hi is success* – буквально ‘он – успех’, то есть *он добился успеха*.

В книге С.И. Хозиевой «Русские писатели и поэты» (из серии «Краткие биографические словари») в статье, посвященной Н. Островскому, читаем: *Слепой, неподвижный, испытывающий страшные боли, он создает книгу “Как закалялась сталь” (1932–1934), имевшую большой успех* [Хозиева 1999].

Этот словарь создан под влиянием идей «перестройки», что проявляется в отборе персоналий (не включены «литературные генералы» советского времени – В. Кожевников, А. Иванов, А. Софронов, А. Сурков, Г. Марков, но широко представлены эмигранты последней волны – В. Аксенов, Ю. Алешковский, В. Войнович, А. Галич, В. Максимов) и таких авторов, как Ю. Семенов, А. Рыбаков, Э. Радзинский. Дарование А. Рыбакова вряд ли выше, чем у поименованных «генералов», и на выбор повлияла только политическая конъюнктура.

Стиль этого словаря вообще оставляет желать лучшего, и смещение, которое может быть охарактеризовано как нарушение этико-лингвистической нормы, далеко не случайно. Нужно быть совершенно равнодушным к подвигу Островского, чтобы применить к судьбе его книги слово «успех». Одно дело, когда в этом словаре читаем (в статье, посвященной Г. Газданову): *После войны была опубликована книга “Возвращение Будды”, имевшая большой успех, принеся известность и деньги.* Здесь очень характерно сближение успеха, известности и денег. Собственно, в такой близости концепт «успех» и существует в русской лингвокультуре. И нужно быть в высшей степени нечутким к словесному оформлению мысли, чтобы роль, влияние романа «Как закалялась сталь» на советских людей 30-х годов характеризовать с помощью этого слова, как это сделано в словаре. «В жизнь российского общества он (концепт успех. – Э.К., Л.Б.) прочно входит на современном этапе развития **как характеристика современной жизни** (выделено нами. – Э.К., Л.Б.) [Андреев 2010: 3]. И далее там же: «Концепт УСПЕХ представляет собой сложное исторически обусловленное ментальное образование, которое имеет аксиологический и общеполитический характер и включает в себя несколько взаимозависимых структурных составляющих, имеющих универсальные и национально-специфические черты» [Там же: 3–4]. В цитируемой работе сравнивается содержание концепта УСПЕХ в русской и американской лингвокультурах и отмечается, что «ценностная составляющая концепта ... **исторически несет противоположное отношение к успеху как ценности** в русской и американской лингвокультурах», притом что «в современном русском дискурсе преобладает позитивный оценочный компонент» [Андреев 2010: 6]. Многие авторы, занимавшиеся исследованием феномена американской культуры, отмечают тот факт, что стремление к успеху в этой культуре приобретает статус национальной философии, и эти представления об успехе становятся определяющими на современном этапе развития общемирового сообщества. Если в американской культуре успех всегда рассматривался как благо, его достижение понималось как жизненный мотив, даже нравственный долг, то в русской лингвокультуре исторически сложилось скорее отрицательное отношение к успеху: успех может быть ценен в общенациональном, а не личном смысле.

В документальном фильме «Дожить до светлой полосы. Татьяна Лиознова» характерен монолог режиссера о своем учителе – С.А. Герасимове. Т. Лиознова работала помощником режиссера на съемках «Молодой гвардии», и она говорит о том, какое одушевление царило на съемках (только что кончилась война, история о юных подпольщиках из Краснодона потрясла всех), и, в частности, произносит такую фразу:

В массовых сценах Герасимов добился поразительных успехов, нет, это не то слово, это были озарения... То, что она сама так квалифицирует слово *успех* – *не то слово*, – чрезвычайно показательное. Ср. современное культивирование личного успеха и позиционирование телевизионного канала РБК – *канал успешных людей*.

Прагматическая оценка может содержаться не только в номинативной части речи – в существительном, но даже в глаголах. Ср. глаголы *сказать* (нейтральное) и *сказать* (содержит отрицательную оценку и действия, и субъекта действия). Или ср. многократно обыгранный глагол *понаехали*, в котором соединяется два типа оценок: эмоциональная пейоративная и интеллектуальная количественная.

Даже использование частицы может придать фразе оскорбительное звучание. Ср. фрагмент из интервью с кинорежиссером Э. Рязановым в канун его 80-летия:

Э. Рязанов: *Я, как большинство населения нашей страны, не понимаю: почему режиссер, чьи фильмы били рекорды по посещаемости, должен ходить к банкирам и кланяться им в пояс? Не для себя деньги прошу, а чтобы сделать очередную картину!*

Корр.: *Значит, у вас еще есть замыслы?*

Э. Рязанов: *Вопрос очень оскорбительный по сути своей. А у вас есть еще замыслы в жизни? У меня ЕЩЕ есть. У меня и аппетит хороший. Я и выпить могу. И с девушкой погулять тоже. А вы: “Вам в гроб пора, дорогой”* (Аргументы и факты.2007.№ 46).

Итак, этико-речевые ошибки совершаются тогда, когда адресант игнорирует этико-эстетический компонент речевой культуры, который в русской речевой традиции подразумевает особую роль категорий чуткости, деликатности, миролюбия, милосердия.

Прагматические постулаты речевого общения (напр., известные максимы П. Грайса, Дж. Лича) тоже в значительной своей части имеют этический характер. Таковы максима такта (Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!); максима великодушия (Не затрудняй других!); максима одобрения (Не ругай других!); максима скромности (Отстраняй от себя похвалы!); максима согласия (Избегай возражений!); максима симпатии (Высказывай благожелательность!). Несоблюдение этих максим также ведет к нарушению этико-речевых норм. Не надо думать, что негативная оценочность в публичной коммуникации отнюдь не всегда сопряжена с нарушением этико-речевых норм. Когда о «соратниках» бывшего министра обороны А. Сердюкова журналист написал «бабий батальон», это вполне оправданно. Но оценки, задевающие нравственные чувства людей, совершенно неприемлемы. «Не может не покоробить, когда молодой журналист, говоря о знаменитых мхатовских «стариках», называет их «мастодонтами» [Александрова, Славкин 2016: 23–24]. Или ср. оскорбительную номинацию, задевающую сразу многих читателей:

Большинство россиян – и авторитетные эксперты (политологи, экономисты), и творческая элита, и простые трудяги – сегодня сходятся во мнении: наконец-то Россия вошла в эпоху стабильности (Аргументы и факты.2008.№ 5).

Нередко нарушения этико-лингвистической нормы возникают в переводных текстах (из-за недостаточного внимания к прагматическим компонентам языковых единиц). Так, обращение Синди Кроуфорд (актрисы и модели, известной в том числе широко растиражированными комплексами физических упражнений под названием «Как достичь совершенства») к зрителям включает (по воле переводчика!) и такую фразу:

После первой программы многие люди писали мне, как они почувствовали себя лучше, работая по моей программе, как обрели самоуверенность...

Два похожих выражения – *уверенность в себе* и *самоуверенность* – имеют в русском языке совершенно разное прагматическое звучание: позитивное в первом случае и пейоративное во втором [Беляева 2010: 34], поэтому похвала комплексу, благодаря которому пользователи стали *самоуверенными*, звучит как минимум странно.

Соответствие или, напротив, несоответствие этико-речевой норме складывается на уровне целого текста или значимого фрагмента текста, что одни и те же единицы языка (сомнительные, с точки зрения соответствия этико-речевой нормы, как то – иноязычия или субстандарт) могут совершенно по-разному коннотировать под влиянием общей речевой стратегии.

Специалисты в области экологической лингвистики отмечают, что коммуникативный дискомфорт возникает при использовании иноязычного языкового материала, особенно в случаях, когда заимствование может быть без ущерба для семантики и прагматики в высказывании заменено исконными единицами. Однако вопрос о равноценности такой замены далеко не однозначен. На наш взгляд, все дело в способах введения иноязычия, которые могут либо подтверждать необходимость «привнесенного» языкового материала, либо, напротив, демонстрировать его неадекватность. Удачный способ введения англицизма (который в изолированном употреблении, скорее всего, вызовет отторжение) находим в статье А. Околеловой (Вечерний Ростов.14.03.2017). Заголовок – *За кем следят ростовские бердвотчеры?* Лид: *Грозно звучащий иностранный термин обозначает лишь любителей наблюдать за пернатыми – и тех, и других хватает в южной столице!*

В статье несколько раз даются комментарии к иноязычному слову:

Наконец-то на улице потеплело! Разумеется, рады этому все без исключения жители южной столицы. Но больше всех – ростовские бердвотчеры (говоря по-нашему, наблюдатели за птицами).

Бердвотчингом называют любительскую орнитологию, наблюдение за пернатыми невооруженным глазом или с помощью бинокля. Наибольшую популярность это всемирное движение набрало в Европе и Северной Америке. В нашей стране бердвотчинг появился в 90-е.

Автор прибегает к объяснению того, почему из всех вариантов обозначения этого явления закрепился именно англицизм:

Первые наблюдатели объединились под эгидой Союза охраны птиц России. Но иностранный термин остался в обиходе – как ни старались люди придумать русифицированный вариант названия, выходило как-то нелепо: то ли они птицелюбы, то ли птицегляды...

В общем, не пошло. Решено было не трогать оригинальное название. Либо пользоваться более длинным дословным переводом.

То есть читателю не навязывается незнакомое иноязычие, но разъясняются причины предпочтения англицизма: его международный статус (в нашем городе движение не так распространено, как за границей; в Белоруссии стоимость обучения в школе бердвотчинга достигает четырех тысяч рублей по-нашему курсу и т.п.), «ущербность» вариантов замены – действительно, *птицелюбы* или *птицегляды* вряд ли приживутся. И у читателя такой публикации вряд ли возникнет острая реакция неприятия иноязычия, ощущение «порчи языка» и неуважения к собственным языковым ресурсам.

В работах А.Б. Бушева [Бушева 2007: 73–75; 2004: 354–355] отмечена особая функция новейших заимствований, главным образом англо-американского происхождения – эвфемистическая: *файед-райзинг* вместо *идти по миру*, *секьюрити* вместо *обслуга*, *рэкет* вместо *вымогательство*, *секвестирование* вместо *сокращение*. Замена исконных слов *лихоимство*, *казнокрадство*, *взяточничество* на иноязычное *коррупция* или выражения *кража детей с целью выкупа* или *продажи в рабство* на англицизм *киднепинг* представляет собой эвфемизацию. Важно, что во всех этих случаях иноязычные слова «разошлись» с исконными выражениями если не в оттенках семантического содержания, то в прагматических значениях, поэтому заимствования не ощущаются как насильно навязанные русскому языку.

Мантию он надевал при мне – в зале суда, у них это называется Дворец правосудия: молодой паренек, мне повезло с его чувством юмора. Спросил: “Where was your head, когда вы выбегали на поле” (“Где твоя голова была” – перевожу для Малахова). Я оправдываюсь (О. Кушанашвили. Я и Путь in. Как победить добро).

Фраза, написанная по-английски, представляется прагматически мотивированной с учетом контекста ее употребления.

Мы на скамейке запасных, и это грустная скамейка. Причина есть, о ней и стих: мы все живем внутри ремейка. Все киноведы морщат лбы: новейших тем для фильма мало! Ремейк “Иронии судьбы”, ремейк “Служебного романа”! Я сам ремейк – мамуль, скажи же! Короче, все теперь ремейк: труба пониже, дым пожиже. Наш модус нынешний таков – сплошной простор для балагуров: ремейк “Кубанских казаков”, каким бы снял его Сокуров (Д. Быков. Никейское).

Англицизм *ремейк* становится все более употребительным и удачно обыгрывается автором.

Таким образом, соответствие или несоответствие этико-речевой норме редко заключено в отдельной лексеме (фактически – только в предельных случаях инвектив и обсценизмов); оно формируется с учетом многих «материй», относящихся в том числе к области этики, психологии, культурологи и отчасти социологии.

5. Выводы

В современной коммуникации немало «болевых» точек: некорректная реклама, немотивированное использование англицизмов в качестве эргонимов и урбанонимов, манипулятивные стратегии и тактики в политическом дискурсе. Нельзя не замечать такого

негативного явления, как чрезвычайно высокий уровень агрессивности в речевом поведении людей (начиная с бытовых разговоров и заканчивая парламентскими дебатами). Понятно, что вербальная агрессия отражает более глубинную агрессивность, обусловленную длительным подавлением ее внешними силами, а также страхом перед окружающим миром при резком изменении обстоятельств существования.

Сегодня допускается крайне негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, жесткость в оценке поведения собеседника и т.п. Активизировался жанр речевой инвективы, опирающийся не только на допустимые в литературном языке средства дискредитации оппонента, но и на те экспрессивные обороты речи, которые находятся далеко за пределами этико-лингвистических норм. Обычной стала детабуизация грубопросторечной лексики, формируется привыкание к подобной лексике (отчасти подпитываемое лексикографией), и вообще значительно увеличилась в сознании людей степень публично допустимого в речи.

Однако есть и противоположная – «встречная» – тенденция к «смягчению» речевых оборотов. Таким противоположным по целям, результатам и стратегиям используемых языковых средств является культурно-языковая тенденция политкорректности, благодаря которой расширяется поле согласованной коммуникации и вообще целесообразного функционирования языковых единиц. Речевое взаимодействие с «благими» намерениями, выраженными в корректной форме, направленными на согласованность коммуникантов, – идеал современного общества. Массово реализованный в социуме, он будет способствовать тому, что сформируются личности, способные без внутренней агрессии воспринимать чужие (даже чуждые) идеи и мнения, проявлять не только терпимость, но и искренний интерес и уважение к особенностям других людей. Недаром в лингвокультурологии актуализируется понятие толерантной коммуникативной личности, способной к продуктивному общению согласно правилам политкорректности и с опорой на этикетные формулы, укорененность которых в самосознании очень глубока. Нормативное пространство современного русского языка трансформируется под влиянием новых информационных технологий и средств коммуникации. Компьютерное общение развивается в соответствии с закономерностями массовой культуры и процессами глобализации, является катализатором проявления экспрессивных потенций в языке, приводит к формированию новых жанров, в том числе – инвективных (таких, как троллинг и флейминг), грубо нарушающих этико-лингвистические нормы и экологическое право на «коммуникативный комфорт».

Совершенно прав был Г.Г. Хазагеров, когда писал, что «вопрос о норме требует гораздо более глубокой разработки, чем мы видим сегодня. Те, кто изучает язык профессионально, должны признать с должной научной честностью, что речь идет не о наплыве жаргона, заимствований и т. д., на что у нас есть готовые рецепты и заверения в ординарности происходящего, а о совершенно новых явлениях...» [Хазагеров 2003: 64]. Эти новые явления обусловлены совокупностью всех обстоятельств социально-политической и культурной жизни, без учета и тщательного изучения которых невозможно дать никаких рекомендаций в сфере нормативности вообще и этико-лингвистических норм в частности.

Сегодня насущно необходимы словари активного типа, специально нацеленные на этико-речевые нормы современной коммуникации, призванные серьезно способствовать укреплению и утверждению нормативности. В.Г. Гак писал, что «словарь активного типа должен “разговаривать” с читателем; лексикограф не должен скупиться на пояснения» [Гак 1995: 56]. В современных условиях возрастает актуальность пояснений, связанных с соблюдением именно этико-речевых норм.

Литература

- Андриенко А.А. Концепт УСПЕХ в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса): автореф. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 21 с.
- Баишева З.В. Корректность судебного оратора (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони) // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышевой. Кемерово; Барнаул: Издательство Алтайского ун-та, 2010. С. 22–30.
- Беляева И.В. Прагматическое содержание языковых единиц // Русский язык в школе. 2010. № 6. С. 32–37.
- Бортник Г.В. «Обидная» категория // Русская речь. 2001. № 2. С. 51–54.
- Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 256 с.
- Брусенская Л.А., Куликова Э.Г., Беляева И.В. Юридическая риторика. М.: Норма, 2014. 288 с.
- Бушев А.Б. Риторический феномен семантической расплывчатости // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2004. С. 354–355.
- Бушев А.Б. Языковая динамика и социодинамика: современный российский социум // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Материалы Международной научной конференции. Вып. 1. Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. С. 73–75.
- Гак В.Г. Двухязычный словарь активного типа // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 53–62.
- Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2009. 170 с.
- Гнусина Е.В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия (на материале современной художественной литературе и других источников): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 207 с.
- Новиков Вл. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005. 156 с.
- Романенко А.П. Особенности современной словесной культуры // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 506–519.
- Светличная Н.О. Аббревиация и деаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2009. 166 с.
- Склярская Г.Н. Словарь сокращений русского языка. М.: ЭКСМО, 2006. 448 с.
- Сковородников А.П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 13. С. 194–222. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).
- Стернин И.А. Проблема сквернословия. Изд-е 5, доп. и перераб. Воронеж, 2011. 23 с.
- Холомеев О.М. Когнитивные гендерные доминанты и их языковая репрезентация в «женской прозе» (на материале произведений В. Токаревой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2014. 182 с.
- Хазагеров Г.Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д.: РГУ, 2003. С. 55–64.
- Хан-Пира Э.И. Вторая жизнь старого значения слова *успешный* // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 343–346.

Хазагеров Г.Г. Риторика для слушающего // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2000. № 1. С. 32–36.

Хозиева С.И. Русские писатели и поэты. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. 576 с.

Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) //

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 130–140.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia, 1974. 260 p.

References

Andrienko A.A. Koncept USPEKH v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turah (na materiale populyarno-delovogo diskursa) [The Concept of SUCCESS in American and Russian Linguistic Cultures (on the material of popular business discourse)]. Abstract of Philologe Cand. Belgorod, 2010, 21 p.

Baisheva Z.V. Korrektnost' sudebnogo oratora (na materiale obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) [The Correctness of the Law Orator (on the material of the accusatory speeches of A.F. Kony)] *YUrislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudenciya: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Jurilinguistics-10: Linguoconconflictology and Law: interuniversity collection of scientific works] /pod red. N.D. Goleva i T.V. CHernyshevoj. Kemerovo; Barnaul, Izd-vo Altajskogo un-ta Publ., 2010, p. 22–30.

Belyaeva I.V. Pragmaticheskoe sodержanie yazykovykh edinic [Pragmatic Content of Language Units]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 2010, no 6, p. 32–37.

Bortnik G.V. «Obidnaya» kategoriya ["Offensive" Category]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2001, no 2, Pp. 51–54.

Brusenskaya L.A., Gavrilova G.F., Malycheva N.V. Dictionary of Linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov]. Rostov n/D., Feniks Publ., 2005, 256 p.

Brusenskaya L.A., Kulikova E.G., Belyaeva I.V. Yuridicheskaya ritorika [Legal Rhetoric]. Moscow, Norma Publ., 2014, 288 p.

Bushev A.B. Ritoricheskij fenomen semanticheskoy rasplyvchatosti [Rhetorical Phenomenon of Semantic Vagueness.] *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka: Trudy i materialy* [Russian Language: its historical destiny and present state: II International Congress of Russian Language Researchers: Papers and materials], 2004, Moscow, p. 354–355.

Bushev A.B. Yazykovaya dinamika i sociodinamika: sovremennyy rossijskij socium [Language Dynamics and Sociodynamics: Modern Russian Society. Language System and Speech activity: linguocultural and Pragmatic Aspects]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokul'turologicheskij i pragmaticheskij aspekty. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language System and Speech activity: linguocultural and Pragmatic Aspects. Materials of the international scientific conference], Issue 1, Rostov n/D., NMC «Logos» Publ., 2007, p. 73–75.

Gak V.G. Dvuyazychnyj slovar' aktivnogo tipa [Bilingual Dictionary of Active Type. Language – System. Language-text. Language-ability to. SB. Articles]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language – System. Language-text. Language-ability to. SB]. Sb. statej, Moscow, Institut russkogo yazyka RAN Publ., 1995, p. 53–62.

Garan E.P. Lingvokul'turologicheskie aspekty interpretacii reklamnogo diskursa (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Linguistic and Culturological Aspects of the Interpretation of Advertising Discourse (based on the material of Russian and English languages)]. Philology Cand Diss. Rostov n/D, 2009, 170 p.

Gnusina E.V. Sravnitel'nyj analiz sovremennogo francuzskogo prostorechiya i sovremennogo russkogo prostorechiya (na materiale sovremennoj hudozhestvennoj literature i drugih istochnikov) [Comparative Analysis of Modern French Common Language and Modern Russian Common Language (based on the material of modern fiction and other sources)]. Philology Cand Diss. Moscow, 2006, 207 p.

Holomeenko O.M. Kognitivnye gendernye dominanty i ih yazykovaya reprezentaciya v «zhenskoj proze» (na materiale proizvedenij V.Tokarevoj) [Cognitive Gender Structures and Their Linguistic Representation in the "Female Prose" (on the works by V. Tokareva)]. Philology Cand Diss. Rostov n/D, 2014, 182 p.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia. 260 p.

Hazagerov G.G. Problemy yazykovoj normy v svete ponyatij «krasivogo», «vozvyshennogo» i «ehffektivnogo» (k tipologii normy) [Language Norm Problems in the light of the Concepts of "beautiful", "sublime" and "effective" (to the typology of the norm)]. *Yazyk v pragmatolingvisticheskom aspekte: ehkspressivnaya stilistika, ritorika. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Language in the Pragmatic Aspect: expressive stylistics, rhetoric. Interuniversity collection of scientific works], Rostov n/D., RGU Publ., 2003, p. 55–64.

Hazagerov G.G. Ritorika dlya slushayushchego [Rhetoric for the Listener]. *Filologicheskij Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philological Bulletin of Rostov State University], 2001, p. 32–36.

Han-Pira E.H.I. Vtoraya zhizn' starogo znacheniya slova uspešnyj [The Second Life for Old Meaning of the Word successful]. *Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova* [Dictionary and Culture of Russian Speech. The 100-th Anniversary of the birth of S.I. Ozhegov], Moscow, Indrik Publ., 2001, p. 343–346.

Gazieva S.I. Russkie pisateli i poety [Russian Writers and Poets]. Moscow, RIPOL KLASSIK Publ., 1999, 576 p.

Novikov V.I. Slovar' modnyh slov [The Dictionary of Fashionable Words]. Moscow, Zebra E Publ., 2005, 156 p.

Romanenko A.P. Osobennosti sovremennoj slovesnoj kul'tury [Features of Modern Verbal Culture]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysin* [Language in Motion: to the 70-th Anniversary of L.P. Krysin] / Otv. red. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2007, p. 506–519.

Sklyarevskaya G.N. Slovar' sokrashchenij russkogo yazyka [Dictionary of Abbreviations of the Russian Language]. Moscow, EKSMO Publ., 2006, 448 p.

Skovorodnikov A.P. O predmete ehkologivistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [On the Subject of Linguistics in Relation to the State of the Modern Russian Language]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2013, no 13, p. 194–222. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> (accessed 20.05.2018).

Sternin I.A. Problema skvernosloviya [The Problem of Profanity]. Izd 5-e, dop. i pererab. Voronezh, 2011, 23 p.

SHCHerba, L.V. Literaturnyj yazyk i puti ego razvitiya (primenitel'no k russkomu yazyku) [Literary Language and Ways of its Development (in relation to the Russian language)]. *SHCHerba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian Language], Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, p. 130–140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, 344002, Ростов-на-Дону, Большая Садовая улица, 69

E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, 344002, Ростов-на-Дону, Большая Садовая улица, 69

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Brusenskaya L.A., Doctor in Philology, Professor.

Rostov State University of Economics.

69, Bolshaya Sadovaya street, Rostov-on-Don, 344002, Russia

E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Kulikova E.G., Doctor in Philology, Professor.

Rostov State University of Economics.

69, Bolshaya Sadovaya street, Rostov-on-Don, 344002, Russia

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru